На правах рукописи

БОДРОВА Елена Владимировна

НЕОЛОГИЗАЦИЯ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Волгоград – 2026

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова».

Научный руководитель – *Чурилина Любовь Николаевна,* доктор филологических наук, профессор.

Официальные оппоненты: *Голованова Елена Иосифовна*, доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания);

Генералова Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», доцент кафедры русского языка).

Ведущая организация – ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет».

Защита состоится 21 мая 2026 г. в 15:30 часов на заседании диссертационного совета 33.2.007.03 в ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет» по адресу: 400005, г. Волгоград, пр. им. В.И. Ленина, 27.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Волгоградского государственного социально-педагогического университета: http://www.vspu.ru.

Автореферат разослан 15 апреля 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор Шацкая Марина Федоровна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование посвящено изучению актуальных в современной дискурсивной практике процессов неологизации, ведущих к обновлению фразеологического фонда русского языка.

Актуальность и степень разработанности проблемы. Активное внедрение цифровизации запустило процессы трансформации образа мира современного человека. Результатом «цифровизации социальных практик» стало преобразование дискурса homo digital[1], основные качества которого соответствуют требованиям цифрового пространства[2]: преимущественно опосредованный характер коммуникации, неконтролируемое увеличение объема потребляемой информации, ее глобальное перемещение в пространстве Сети. Кардинально изменился не только объем транслируемой информации, но и ее локализация: пространство Интернета стало одновременно топосом общения и средой неологических процессов, в том числе и неофразеологизации, к исследованию которой обращались на рубеже XX–XXI в. представители разных отечественных фразеологических школ (В.М. Мокиенко, Н.Ф. Алефиренко, Л.П. Гашева, А.Н. Столярова и др.).

Особый интерес для исследования представляют продукты неофразеологизации – неофраземы, достаточно широкий и разнородный пласт устойчивых словесных комплексов (УСК), востребованных в современных дискурсивных практиках носителей русского и других славянских языков. Вновь образующиеся единицы идентифицируются и классифицируются по разным параметрам в трудах отечественных ученых (В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, С.Г. Шулежкова, Л.Н. Чурилина, Н.В. Баско, Г.М. Шипицына и др.) и зарубежных лингвистов (Х. Вальтер, В. Хлебда, Д. Благоева, М.С. Диброва, С.И. Георгиева, Б.Т. Тенчева, М. Янковичова и др.).

Разработке принципов классификации неологизмов посвящено значительное число научных трудов (В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова, А.Н. Столярова, А.А. Брагина, Н.З. Котелова, С.И. Алаторцева, Е.В. Сенько и др.). Между тем список классификационных признаков единиц этого типа не является универсальным, поскольку набор выделенных параметров обнаруживает зависимость от временного фактора (О.С. Рублева). При всем многообразии предлагаемых подходов к систематизации сверхсловных неообразований в исследованиях преобладают типологии, основанные на

---

[1] Гурьянова А.В., Тимофеев А.В. Homo digital – субъект цифровой революции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2023. №2. С. 121.

[2] *Цифровым пространством* сегодня принято называть совокупность всего, что создано и функционирует в Интернете: социальные сети, веб-сайты, порталы, блоги, форумы – платформы, позволяющие общаться, получать информацию, обмениваться ею.

критериях: степень новизны, форма языковой единицы, тип обозначаемой реалии, способ / источник образования и др.

На современном этапе исследований понимание фразеологической инновации [3] в целом не ограничено жесткими рамками, что находит отражение в наполнении новых словарей фразеологизмов. Так, в различных словарях при фиксации сверхсловных новообразований отмечены: 1) отсутствие «разделения на языковые и речевые, окказиональные» (В.М. Мокиенко); 2) представление разнородного материала: собственно «классические» фразеологизмы, перифразы, коллокации и устойчивые обороты неэкспрессивного характера, терминологические и квазитерминологические (М.С. Доброва); 3) в словари попадает фразеологическая инноватика, функционирующая в масс-медиа дискурсе; 4) востребованные в речевой практике сверхсловные неологизмы, восходящие к различным источникам и сферам.

Несмотря на масштабность исследований неофразеологического материала и практику его лексикографирования, научному осмыслению и словарной фиксации подвергается лишь часть весьма разнородных единиц из числа новообразований, именуемых неофраземами. Для дальнейшей систематизации глобального пласта устойчивой неологики есть необходимость в дополнительных исследованиях, направленных на уточнение самого понятия неофразеологизации. Таким образом, актуальность проводимого исследования определяется его направленностью на теоретическое осмысление неофразеологизации как процесса и описание его продуктов.

Объектом исследования является процесс образования новых устойчивых в употреблении, воспроизводимых сверхсловных единиц как условие пополнения фразеологического фонда русского языка.

Предмет исследования составили специфические характеристики процесса неофразеологизации в эпоху активной цифровизации коммуникативного пространства и продукты этого процесса, именуемые неофраземами.

Исследование имело **целью** выявить лингвистические и экстралингвистические условия образования новой сверхсловной единицы, описать основные этапы этого процесса, а также предложить вариант классификации продуктов неофразеологизации.

Достижение поставленной цели предполагало решение ряда **задач**:

1) обобщить разрабатываемые на разных этапах формирования отечественной теории фразеологии представления о сущности процесса образования фразеологических единиц;

---

[3] Генералова Е.В. «Денег нет, но вы держитесь»: новые устойчивые сочетания, связанные с понятием «деньги», в русском языке конца XX – первой четверти XXI вв. // Русская речь. 2025. №1. С. 2–36.

2) опираясь на достижение отечественной научной мысли, определить перечень способов образования фразеологических единиц, описать механизмы и этапы неофразеологизации как процесса;

3) на основе анализа современного дискурсивного материала разработать вариант классификации продуктов процесса неофразеологизации, выявив экстралингвистические и лингвистические признаки единиц каждого типа;

4) предложить вариант реконструкции процесса неофразеологизации, дать содержательную интерпретацию структуры модели и механизмов взаимодействия ее элементов.

Теоретико-методологическую базу исследования составили:

– фундаментальные труды отечественных ученых по теории фразеологии (В.В. Виноградов, Л.И. Ройзензон, В.Л. Архангельский, Б.А. Ларин, В.М. Мокиенко, В.Н. Телия, В.П. Жуков, Н.М. Шанский, А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский);

– результаты исследований процесса фразеологизации / неофразеологизации и его продуктов (В.М. Мокиенко, А.М. Мелерович, Н.Ф. Алефиренко, Ю.Я. Бурмистрович, А.В. Кунин, С.Г. Гаврин, Ю.А. Гвоздарев, А.М. Эмирова, С.Г. Соколова, А.В. Жуков, О.В. Елисеева, Е.Н. Ермакова и др.);

– исследование тенденций обновления фразеологических фондов славянских языков, в том числе в условиях глобализации и цифровизации (В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова, С.И. Георгиева, М.С. Доброва, Л.Н. Чурилина, Г.М. Шипицына, Н.В. Баско и др.);

Система исследовательских **методов** предопределена поставленными задачами: диалектический метод на этапе формулирования принципов исследования; индуктивный метод на этапе формирования корпуса неофразем; комплекс лингвистических методов на этапе работы с отобранным речевым материалом (варианты дескриптивного метода; аналитический метод – компонентный, контекстуальный, лингвокультурологический и сравнительный анализ); метод моделирования.

Источником **материала исследования** послужили современные словари новой фразеологии, изданные в период с 1997 по 2022 гг.: Душенко К.В. Словарь современных цитат: 4300 ходячих цитат и выражений XX века, их источники, авторы, датировка. М, 1997; Мокиенко В.М. Большой словарь русского жаргона: 25000 слов, 7000 устойчивых сочетаний. СПб, 2000; Серов В.В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений: более 4000 статей. М, 2005; Максимов Б.Б. Фильтруй базар: словарь молодежного жаргона г. Магнитогорска. Магнитогорск, 2002; Баско Н.В. Фразеологический словарь. Наше время в зеркале фразеологизмов. М, 2019; Генералова Е.В. Фрагмент словаря русских фразеологических неологизмов (конец

80-х гг. XX в. – 2000–2020 гг. XXI в.). СПб, 2022; Доброва М.С. Словарь новых фразем и коллокаций русского языка. Оломоуц, 2022; Жуков А.В. Словарь современной русской фразеологии. М, 2015; Дядечко Л.П. Словарь крылатых слов и выражений нашего времени. М, 2023; Шулежкова С.Г. «И жизнь, и слезы, и любовь…». Происхождение, значение, судьба 1500 крылатых слов и выражений русского языка. М, 2011; Шулежкова С.Г., Чурилина Л.Н. и др. Русско-болгарский словарь фразеологических неологизмов. Магнитогорск, Плодив, 2021.

На основе указанных словарей была составлена картотека объемом около 2500 сверхсловных единиц. В качестве дополнительного источника при формировании базы исследования использовались фрагменты новейшей дискурсивной практики, зафиксированные в русскоязычном пространстве Интернета в период 2021–2025 гг.: в картотеку включено около 200 единиц.

Научная новизна исследования определяется тем, что в ходе анализа новейшего дискурсивного материала впервые разработан комплексный подход к изучению неофразеологизации как специфического процесса, протекающего в коммуникативном пространстве цифровой среды и детерминированного требованиями этой среды. Представление о неофразеологизации как нелинейном процессе положено в основу оригинальной классификации фразеологических неологизмов, опирающейся на взаимно соотнесенные лингвистические и экстралингвистические признаки неоединицы.

Теоретическая значимость результатов исследования обусловлена вкладом в дальнейшую разработку теории неофразеологизации: выявлены условия и этапы формирования неофразем в цифровой среде, предложен вариант реконструкции процесса неофразеологизации; разработан алгоритм анализа неофразем; выявлен комплекс категориальных признаков неофразем; предложен вариант классификации фразеологических новообразований, учитывающий разнородные их характеристики.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты и дискурсивный материал могут быть использованы при дальнейшем изучении процессов обновления фразеологической системы русского языка в новейших условиях. Результаты исследования могут составить основу спецкурсов и спецсеминаров, посвященных проблемам фразеологии, а также найти применение в лексикографической практике.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Фразеологизация в исследовательской практике традиционно представлялась как линейный процесс – поэтапное преобразование свободных словосочетаний в несвободные. Однако трансформированное в услови-

ях цифровизации коммуникативное пространство оказывает влияние на масштабы неологических процессов в языке, что приводит к необходимости рассмотрения неофразеологизации как самостоятельного процесса.

2. Неофразеологизация представляет собой процесс формирования новых устойчивых в употреблении, воспроизводимых сверхсловных единиц, сферой бытования которых оказывается новое коммуникативное пространство, определяющее специфику функционирования новообразований. Продуктом неофразеологизации является неофразема – единица с неопределенным статусом (единица речи или единица языка). Ключевым для понимания неофразеологизации можно признать фактор времени: процесс закрепления новой единицы в дискурсивной практике доступен для прямого наблюдения.

3. Неофраземы функционируют в пространстве размытых границ: геополитические, культурные, языковые различия не оказывают существенного влияния на закрепление единицы в разных речевых практиках. В этой ситуации судьба неофраземы, зафиксированной на некотором временном отрезке, зависит от непредсказуемой экстралингвистической реальности, которая определяет «жизненный цикл» единицы. В цифровой коммуникативной среде для образования и закрепления неофраземы в узусе не всегда требуется протяженный временной период.

4. Процесс образования неофраземы редко является поэтапно-линейным. В предложенной нами нелинейной модели неофразеологизация предстает как вариативный набор специфических характеристик (областей), комбинации которых определяют эвентуальное движение неофраземы от момента рождения – первая фиксация в цифровой среде – до закрепления в системе языка.

5. Нелинейная модель процесса неофразеологизации включает в свой состав четыре области: область креативности, область альтернативности, область узуальности, область системности. В основе каждой из четырех областей лежит собственная доминанта (языковое творчество, конкуренция смыслов, дискурсивная востребованность, корреляция с традиционными для национальной картины мира концептами), которая позволяет разграничивать не только сами области, но и неофраземы, относимые к ним (фразеокреативы, фразеоальтернативы, фразеопопуляризмы, потенциальные фразеологизмы).

6. Неофразеологизация может быть представлена как нелинейный, многовекторный процесс, допускающий перемещение новой единицы в пределах потенциальных вариантов (областей), смену категориальных признаков и, как следствие этого, изменение неофразеологического статуса еди-

ницы. Для неофразеологизации характерны свобода и множественность вариантов перемещения единицы, волновой характер изменений.

7. Финальной точкой неофразеологизации является формирование потенциального фразеологизма – неофраземы, коррелирующей с традиционными концептами и обнаруживающей готовность к формированию парадигматических отношений с единицами фразеологической системы. Процесс обновления фразеологического фонда русского языка регулируется рядом ограничений, доминирующее положение в этом ряду занимает культурный код.

Достоверность полученных результатов подтверждается обоснованностью методологической базы исследования, репрезентативностью рассмотренного речевого материала, выбором адекватных предмету и поставленным перед исследованием целям методов.

Апробация результатов исследования. Основные положения работы и результаты исследования обсуждались на заседании кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. Результаты исследования были представлены на международных и всероссийских научных конференциях, среди которых: Международная молодежная конференция с участием ведущих ученых-славистов «Новая фразеология в новой Европе. Славяне и их языки в конце XX – начале XXI века: проблема сохранения национальной идентичности» (Магнитогорск, 2021); Межвузовская научная конференция «Кирилло-Мефодиевские чтения», посвященная Дню славянской письменности и культуры, Международному дню филолога и Дню русского языка (Кострома, 2023); XV Конгресс Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) «Русский язык и литература в меняющемся мире» (Санкт-Петербург, 2023); Всероссийская научно-практическая конференции (с международным участием) «Проблемы непрерывного педагогического образования» (Ишим, 2024); Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Новейшая филология: междисциплинарная парадигма исследований», посвященная памяти проф. Г.Г. Галич (Омск, 2024); Международная научная конференция «Лингвистика креатива: дискурсивные практики речетворческой деятельности» (Екатеринбург, 2024); Межвузовская научная конференция «Кирилло-Мефодиевские чтения», посвященная Дню славянской письменности и культуры, 225-летию со дня рождения А.С. Пушкина (Кострома, 2024); VII Конгресс Российской ассоциации преподавателей русского языка и литературы (Красноярск, 2024); Международная научная

конференция «Русский язык и языки народов России: проблемы взаимодействия, перспективы развития» (Магнитогорск, 2025).

По теме диссертационного исследования было опубликовано 14 научных статей (общий объем 6,54 п. л.), из них 4 – в изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России.

Структура работы. Диссертационное исследование (общий объем 280 с.) состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений и условных обозначений, списка научной литературы по теме исследования (240 наименований), списка использованных словарей и справочников (51 наименование), списка литературы, использованной в исследовании (88 наименований), ссылок на источники исследовательского материала (329 наименований) и приложения, включающего 9 таблиц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснованы выбор темы, актуальность проблемы, обозначены объект и предмет исследования, определены его цель, задачи, методологическая основа и методы; раскрыты научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность полученных результатов; сформулированы положения, выносимые на защиту, приведены сведения об апробации материалов исследования.

Глава 1 «Фразеологизация и неофразеологизация в теории фразеологии» посвящена обобщению в ходе ретроспективного обзора разрабатываемых в разные периоды развития фразеологии представлений о сущности процесса образования фразеологических единиц (далее – ФЕ), а также выявлению соотношения понятий «фразеологизация» и «неофразеологизация».

В ***параграфе 1.1*** *«Фразеологизация как объект исследования: ретроспективный обзор теоретических концепций»* описана история формирования теории фразеологизации, которая развивалась в условиях становления общей теории фразеологии. В ходе анализа разрабатываемых концепций было отмечено, что в числе активно обсуждаемых находилась проблема выбора термина для именования процесса образования ФЕ. В современной терминосистеме прочные позиции занял термин «фразеологизация». Подчеркивается, что в классический и постклассический периоды развития отечественной фразеологии процесс формирования устойчивых единиц рассматривался в свете дихотомий Ф. де Соссюра, в связи с чем принято было разграничивать узуальное / окказиональное в образовании ФЕ и диахронический / синхронический аспекты в изучении процесса. На со-

временном этапе традиционные дихотомии не определяют основной характер исследований. Выявлено, что предметом дискуссий в XX в. стали два вопроса: временно́й фактор в образовании ФЕ и возможность намеренного использования при их создании метода моделирования. Резюмируется, что масштабные неологические процессы в 90-е гг. XX – начале XXI вв. привели к признанию следующего факта: процесс формирования новых единиц и обретения ими статуса *языковых* может не быть растянутым во времени. С утверждением идеи моделируемости фразеологических единиц исследование процесса фразеологизации становится разноаспектным.

В ***параграфе 1.2*** *«Фразеологизация как лингвистический феномен: содержание и этапы процесса, типология, способы образования фразеологических единиц»* осуществлена попытка осмыслить фразеологизацию одновременно как явление, процесс и его результат. Рассматриваются теоретические концепции в области образования ФЕ. Выявлено, что в 50–80-е гг. XX в. в исследованиях закрепилось понимание фразеологизации как процесса формирования единицы вторичной (опосредованной) номинации, отличительными признаками которой признаны воспроизводимость, устойчивость, идиоматичность. Показано, что процесс образования ФЕ, или фразеологизация, в большинстве исследований представлен как поэтапное преобразование свободных словосочетаний в несвободные. Оговаривается, что наибольшее распространение получил подход, предполагающий разграничение двух вариантов фразеологизации: образование новой единицы на базе свободного словосочетания и на базе имеющейся в языке ФЕ. Стремление исследователей к более детальному рассмотрению процесса линейного продвижения будущего фразеологизма от стадии к стадии связано с описанием наблюдаемых изменений единицы как на уровне формы, так и на уровне содержания: пути трансформации сверхсловных единиц получили подробное описание в работах представителей разных фразеологических школ. На данный момент в рамках междисциплинарных исследований фразеологизация соотносится с когнитивной деятельностью и рассматривается как процесс, отражающий формирование сложных концептуальных структур.

В ***параграфе 1.3*** *«Неофразеологизация и неофразема на новейшем этапе формирования фразеологического фонда русского языка»* особое внимание уделяется размежеванию двух процессов – *фразеологизации* и *неофразеологизации*. В современной лингвистике термин «неофразеологизация» не получил единого толкования. Ключевым для понимания этого процесса и для отграничения его от *фразеологизации* как родового тер-

мина предлагается признать фактор времени: процесс образования новой единицы доступен для прямого наблюдения (в том числе благодаря особенностям цифрового коммуникативного пространства). При всем разнообразии форм (детерминологизация, метафоризация, жаргонизация, цитирование, калькирование и др.) неофразеологизация представляет собой единый процесс, продуктом которого является неофразема – 1) устойчивое, 2) воспроизводимое, 3) сверхсловное новообразование с неопределенным статусом (единица речи / единица языка).

Анализ результатов, полученных в исследованиях неологических процессов в области фразеологии, позволил установить, что наиболее перспективным следует признать широкий подход, при котором к неофраземам относят образованные средствами русского языка или заимствованные сверхсловные единицы, а также фразеотрансформы. На сегодняшний день отсутствует единый закрытый перечень дифференциальных признаков устойчивых сверхсловных новообразований: к числу категориальных признаков неофраземы, наряду с традиционными признаками ФЕ, относят социокультурную маркированность, неограниченную возможность дискурсивных перемещений и некоторые другие (перечень открытый).

Глава 2 «Неофразема как объект описания: принципы классификации» посвящена описанию варианта типологии неофразем, основанного на представлении о наборе специфических признаков, обладание каковым единица демонстрирует в процессе функционирования. В числе категориальных признаков неофраземы рассматриваются как собственно лингвистические, так и экстралингвистические.

В ***параграфе 2.1*** *«Неофразема как продукт неофразеологизации»* описан процесс образования неофразем, который представляется как формирующаяся на определенном временном отрезке, не жестко закрепленная комбинация характеристик / свойств сверхсловной единицы. Иначе говоря, неофразеологизация рассматривается как вариативный набор характеристик, комбинации которых определяют потенциальное движение сверхсловной единицы от момента ее рождения и до – либо закрепления в языковой системе, либо архаизации.

Выявленный набор специфических характеристик неоединицы соотнесен с представлением о месте, которое она на момент описания занимает. Сопоставление наборов категориальных признаков неофразем, выявленных в дискурсивной практике, позволяет определить место (*область*) каждой единицы, или ее статус. Общее представление о специфике и доминанте каждой области отражено в табл. 1.

Таблица 1

Доминанта областей неофразеологизации

Область	Характеристика области
Область креативности	*Креатив*: в основе комбинаторики и смыслообразования лежит творческое начало, предполагающее субъективность и уникальность
Область альтернативности	*Альтернатива:* востребованность сверхсловной единицы в дискурсивных практиках сопровождается возможностью выбора, что предполагает наличие «семантических конкурентов»
Область узуальности	*Стабилизация:* частотность употребления сверхсловной единицы перестает определяться выбором субъекта, ее появление в определенных контекстах становится предсказуемым
Область системности	*Концептуализация:* сверхсловное новообразование соотносится с национально-специфической картиной мира

Указанные в таблице характеристики областей позволяют рассматривать в качестве базового следующий перечень категориальных признаков неоединицы: частота / редкость встречаемости, зависимость / независимость от ситуативного контекста, наличие / отсутствие лексикографической паспортизации, соотнесенность / несоотнесенность с национальной концептосферой. Предварительное распределение неофразем по областям осуществлялось с учетом следующих критериев:

– для отнесения неообразования к *области креативности*: единичная / неединичная встречаемость единицы в одном типе дискурса, использование разными субъектами, однотипное контекстное окружение;

– для отнесения неообразования к *области альтернативности*: увеличение частоты встречаемости, выход единицы за пределы одного дискурса; разнообразие контекстов, имеющее следствием актуализацию разных смыслов;

– для отнесения неообразования к *области узуальности*: активное использование единицы в различных типах дискурса, независимость значения единицы от контекстного окружения, возможная паспортизация единицы в словарях новой фразеологии;

– для отнесения неообразования к *области системности*: активное использование единицы в различных типах дискурса, независимость от контекстного окружения, паспортизация единицы в словарях новой фразеологии, концептуальная значимость единицы, готовность к формированию парадигматических (системных) связей.

На основе предложенного набора критериев нами выделены четыре типа неофразем: *фразеокреативы* (область креатива), *фразеоальтернати-*

вы (область альтернативности), *фразеопопуляризмы* (область узуальности) и *потенциальные фразеологизмы* (область системности). При этом обнаруживается своего рода преемственность: рассмотренные типы неофразем имеют общие категориальные признаки, однако каждый набор уникален.

В ***параграфе 2.2*** *«Фразеокреативы как тип неофраземы: категориальные признаки»* рассматривается специфика *фразеокреативов.* В условиях цифровизации коммуникативного пространства мы имеем дело с непрерывным потоком языкового творчества, проявляющегося и в языковой игре, и в творческом выражении «самости» в глобальном коммуникативном пространстве, и в нестандартном осмыслении политической и социально-культурной ситуации. Креативное новообразование почти всегда выходит за рамки системной валентности составляющих его единиц и приобретает статус нового не только по формальному показателю (знакомо / не знакомо носителю языка данное сочетание слов), но и в силу нового взгляда, позиции, оценки, заключенных в стандартном / нестандартном соединении слов.

Весь этот неоднородный по своему составу, способу образования и функционалу креативный фразеоматериал попадает в поле зрения исследователя в разном статусе: 1) авторский лингвокреативный продукт, ситуативно привязанный к контексту; 2) «дубликат» в чужом одноплановом контексте; 3) «одноразовое перемещение» в другой дискурс. Набор категориальных признаков *фразеокреативов* может быть представлен следующим образом (уточним: речь идет о *наборе* признаков, однако не все названные признаки обязательно обнаруживаются у каждой единицы в ходе анализа): 1) незначительное число употреблений, вплоть до единичных; 2) вербализация результатов индивидуального осмысления культурно-социальной ситуации; 3) ограниченная возможность перехода единицы из одной дискурсивной практики в другую с воспроизводством модели; 4) контекстная зависимость, т. е. неочевидность значения вне контекста; 5) возможная включенность в коммуникативную игру (среди прочего – обретение статуса мема).

Очертить круг речевых практик, в рамках которых фиксируются фразеокреативы, практически невозможно: это могут быть и фрагменты художественных текстов, но чаще – публицистика и бытовой дискурс, фиксируемый социальными сетями Интернета. Судьба рождаемых единиц складывается по-разному: одни обороты, возникнув как окказиональные, сохраняют этот статус, оставаясь единицей уникального контекста (*сосисочный гуманизм, растерянные релоканты, тургеневский дворик, духи с запахом шашлыка* и др.); другие – на определенном временном промежутке оказываются весьма востребованными (*Джо Деменцио, страна молчунов, пандемия ненависти* и др.), какая-то их часть становится мемами (*сосисочные пальцы, у меня лапки, домашний суетолог* и др.). Некоторые

из фразеокреативов «мигрируют» разово в другие дискурсы. Например, в так называемой самодеятельной поэзии использованы неофраземы, рожденные в дискурсе масс-медиа (ср. стихотворения Д.Г. Ульянова «Самоходный дед», И.А. Пуляха «Дед Бидон», М. Самойловой «Дедушка Джо»).

Очевидно, что не все фразеокреативы способны привлечь внимание носителей языка. Механизмы проникновения в узус стандартны; сверхсловное новообразование должно: 1) быть воспринято носителями языка как удачное; 2) распознаваться участниками коммуникации, т. е. быть доступным для понимания и использования в иных речевых практиках. Ярким примером низкой оценки неофраземы служит выражение *сосисочный гуманизм,* реализующее значение ‘кормление бродячих собак’.

Попытки осмысления насущных проблем приводят носителей языка к поиску нестандартных средств выражения новой реальности и новых смыслов. Цифровое пространство становится творческой площадкой, на которой проходит апробацию различный речевой материал.

В ***параграфе 2.3*** *«Фразеоальтернативы как тип неофраземы: категориальные признаки»* охарактеризованы *фразеоальтернативы,* к которым отнесены неофраземы, обладающие способностью актуализировать разные смыслы при смене контекстного окружения. В современной дискурсивной практике многообразие подобных неофразем обусловлено активной позицией носителей языка в коммуникативном пространстве: с одной стороны, они выступают в роли творцов устойчивых выражений, с другой стороны, сдерживаемые законами аналогии и речевой экономии, обращаются к знакомым моделям (*зимняя вишня*, *пердюмонокль вышел*, *фея волос* и др.).

Цифровая среда предоставляет субъекту возможность выбора, которую можно определить как «селекция смыслов» неофраземы, или альтернатива. К характерным признакам фразеоальтернативов отнесены: 1) повышенная степень рекуррентности в цифровом пространстве; 2) социальная значимость и актуальность референтной ситуации, с именованием которой связана неоединица; 3) ничем не ограниченный переход в различные дискурсивные практики; 4) разнообразие контекстов как основа множественности интерпретаций значения неоединицы; 5) семантико-стилистическое преобразование (приобретение дополнительных семантических оттенков). Так, в цифровом пространстве тематическая ниша «защита природы» активно пополняется языковой инноватикой: в экологическом дискурсе востребована неоединица *зеленые инициативы,* которая функционирует одновременно в нескольких значениях, а альтернативные смыслы возникают в результате расширения списка экологических акций.

Нахождение неофразем в области альтернативности носит необязательный характер, смысловая вариативность проходит проверку на востребованность в цифровом пространстве. Например, из конкурирующих смыслов, вербализуемых неофраземой *запахло весной* (‘весна – время долго-

жданной свободы', 'весна – время открытых площадок магазинов и кафе', 'весна – пахнет жареным мясом'), наибольшей популярностью пользуется последний в силу укореняющегося обычая встречать майские праздники у мангала или барбекю. Очевидно, что и конкуренция контекстов в дискурсивных практиках, и в конечном счете вытеснение одних смыслов другими напрямую связаны с человеческим фактором: формирующееся альтернативное значение единицы свидетельствует о поисках более образного и точного способа номинации объектов действительности.

В ***параграфе 2.4*** *«Фразеопопуляризмы как тип неофраземы: категориальные признаки»* указывается, что растиражированность и общепонятность этой группы неофразем подтверждается числовыми показателями и разнообразием фразеоматериала. *Фразеопопуляризмы* часто составляют основу списков, инициированных интернет-проектами «Выражение года», «Неологизм года». Высокий рейтинг подобных неофразем свидетельствует об актуальности единицы в конкретном периоде. Фразеопопуляризмы (по отношению к ним часто используется родовое понятие *неофразема*), по наблюдению исследователей, отличаются высокой адаптацией к контексту и эффективностью: простые в структурном отношении, но семантически емкие, новые устойчивые выражения предпочтительны в коммуникации, что, собственно, и объясняет их популярность.

К характерным признакам *фразеопопуляризмов* можно отнести: 1) достаточно высокую степень рекуррентности в цифровом пространстве; 2) негласную конвенцию носителей языка о преимущественном употреблении неоединицы, или «коммуникативную моду»; 3) функционирование в разных дискурсах; 4) абсолютную независимость от контекста; 5) возможную включенность в вариативные ряды; 6) возможную фиксацию в словарях фразеологической неографики.

Анализируемая группа новообразований, как и другие неофраземы, отражает не только изменения в устройстве внешнего мира, социальных отношений, но и сдвиги в мировоззрении современного человека. Так, в новейшее время постоянным источником сверхсловных неономинаций становится профессиональный дискурс психологов. Психологическая тематика представлена в Сети достаточно обширно: профессионалы консультируют семейные пары (*личные границы, токсичные отношения*), просвещают родителей (*цифровой аутизм*, *игровая зависимость, клиповое мышление*), рассказывают о психотипах нового времени (*благополучные беспризорники, включать душнилу, гламурное Кисо, генетический мусор*, *информационный псевдодебил*), а также о различных состояниях (*крыша не в порядке, ретроградный Меркурий, быть на расслабоне*) и синдромах (*синдром отложенной жизни*), с которыми сталкиваются наши современники.

Типичным образцом высокой рекуррентности фразеопопуляризмов и их интердискурсивности служит единица *клиповое мышление*. Опреде-

ляющим фактором ее популяризации, возможно, стал информационный шум вокруг самого феномена: разговоры о различии «людей книг» и «людей экрана» оказались востребованными за пределами психологического и педагогического дискурсов и вышли на уровень популяризации научного знания в дискурсе масс-медиа. Рассматриваемая проблема стала модной в цифровом пространстве: осмысление «завирусованной» темы можно встретить даже в самодеятельной поэзии[4].

Подчеркнем, что качественное и количественное обновление фразеологического фонда русского языка, наблюдаемое в последние десятилетия, нельзя рассматривать как равномерное и устойчивое. Единицы, рожденные «на злобу дня» или получившие широкое распространение благодаря моде на их использование в дискурсивных практиках, часто перестают быть востребованными в связи с тем, что важнейшим фактором популярности многих из них оказывается не выверенная значимость, а «языковой вкус» (В.Г. Костомаров) носителей языка определенного времени. Именно поэтому активное использование неофраземы не всегда служит гарантом того, что она обретет статус единицы, обладающей культурной ценностью.

В ***параграфе 2.5*** *«Потенциальные фразеологизмы как тип неофраземы: категориальные признаки»* утверждается, что немногие фразеопопуляризмы переходят из области узуальности в область системности, т. е. претендуют на то, чтобы стать частью национального фразеологического фонда. Для потенциальных фразеологизмов характерен не просто «оттенок новизны», но и готовность встраивать новое знание в национальную концептосферу. Потенциальные фразеологизмы либо вербализуют смыслы, свидетельствующие о процессе трансформации традиционных и национально-специфичных концептов (так, неоединицы *новые бедные, борщевой набор, индекс окрошки* используются в цифровой среде в функции репрезентантов оценки уровня благосостояния жителей России), либо отражают процессы формирования новых концептов (неофраземы *информационный мусор, информационный пузырь, информационная гигиена, информационная диета* являются экспликаторами концепта «Информация» как фрагмента специального знания). Потенциальные фразеологизмы с компонентом *умный* (*умный дом, умная колонка, умные часы, умный пылесос, умное зеркало, умный город*) закрепляют на вербальном уровне факт укоренения в национальной концептосфере концепта «Умные вещи», независимого от традиционного для русской культуры концепта «Ум / Умный». Функционирующие в Сети «умные» неофраземы свидетельствуют о попытках выведения за рамки человеческой натуры самой ее сущности – ума, который «опредмечивается» в изобретениях, представляющих цифровые реалии. Природа этого «ума» очевидно ино-

[4] Дмитрич. Клиповое мышление [Электронный ресурс]: поэтическая социальная сеть Поэмбук. URL: http://poembook.ru/poem/2308656-klipovoe-myshlenie?ysclid=mdm61rbg8563247272 (дата обращения: 27.07.2025).

го рода, она не тождественна представлению, закрепившемуся в русском культурном коде. Перенос смысловой доминанты с человека на предмет знаменует рождение нового концепта – «Умные вещи».

Потенциальные фразеологизмы характеризуются следующим набором признаков: 1) достаточно высокая степень рекуррентности в цифровом пространстве; 2) функционирование в разных дискурсах; 3) абсолютная независимость от контекста; 4) новая вербализация констант национально-специфической картины мира или новых концептов; 5) возможная включенность в систему парадигматических отношений с единицами национального фразеологического фонда; 6) возможная фиксация в словарях фразеологической неологики.

Статусом потенциального элемента фразеологической системы может быть наделена неоединица, генетически связанная с ФЕ, выражающими национальные идеи. Потенциальные фразеологизмы обращены к народному опыту, к образам и символам национальной культуры.

Глава 3 «Неофразеологизация как процесс: вариант реконструкции» посвящена описанию процесса, в рамках которого происходит смена статуса неоединицы, показателем чего является изменение набора ее категориальных признаков.

В ***параграфе 3.1*** *«Нелинейная модель реконструкции процесса формирования неофразем»* утверждается, что в основу представления о вариативности модели неофразеологизации положена идея перемещения единицы из одной области в другую в результате изменения набора категориальных признаков. Нелинейная модель неофразеологизации представлена четырьмя *областями*, которые соединены восемью линиями (см. рис. 1).

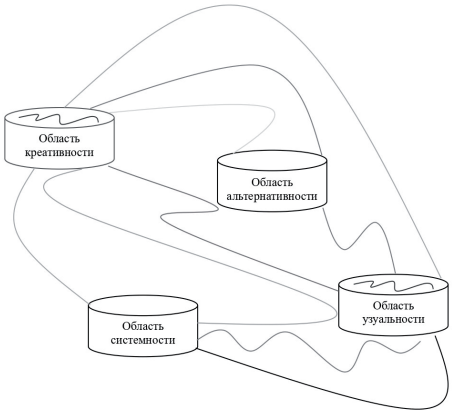

Рис. 1. Нелинейная модель неофразеологизации

На рисунке абстрактная сущность (*область*) изображена в виде подписанной блок-схемы: *область креативности*, *область альтернативности*, *область узуальности* и *область системности*. Линии (всего их 8), соединяющие области, выполняют две функции: во-первых, они призваны показать потенциальную множественность вариантов передвижения неофраземы (укажем, что их число может расширяться при выявлении в ходе анализа сверхсловных единиц новых областей); во-вторых, эти линии разграничивают возможные комбинации областей (каждая линия объединяет определенные области).

Показателем перемещения неофраземы из одной области в другую является изменение набора ее категориальных признаков. Наблюдения за функционированием неофразем в дискурсивном пространстве позволили выявить четыре «маршрута», или варианта модели неофразеологизации:

– однокомпонентная модель – набор категориальных признаков неофраземы не меняется на протяжении всего ее «жизненного цикла»;

– двухкомпонентная модель – меняются некоторые признаки неофраземы, что позволяет говорить о ее перемещении в пределах двух областей;

– трехкомпонентная модель – набор категориальных признаков неофраземы меняется таким образом, что единица дважды меняет свой статус;

– четырехкомпонентная модель – неофразема «проживает» полный цикл, демонстрируя на разных этапах проявление всех четырех описанных нами выше наборов категориальных признаков.

Первый вариант модели не предполагает перемещения единицы из одной области в другую (модель с нулевым вектором движения). Второй вариант может реализовываться как перемещение из области креативности в любую из трех областей (альтернативности, узуальности, системности). Трехкомпонентная модель представлена в двух реализациях: область креативности – область альтернативности – область узуальности; область креативности – область узуальности – область системности. Четырехкомпонентная модель имеет черты линейности, поскольку трансформация набора категориальных признаков единицы осуществляется в предопределенной последовательности.

Детальному описанию каждого из вариантов модели неофразеологизации посвящены следующие параграфы третьей главы.

В ***параграфе 3.2*** *«Модель процесса неофразеологизации с нулевым вектором движения»* описано, что данная модель предусматривает сохранение единицей набора категориальных признаков в начальной и конечной точках «жизненного цикла». Реализацию подобной модели можно наблюдать в двух случаях.

1. Фразеокреативы, представляющие собой результат языкового творчества и не получившие широкого распространения на момент исследования (2021–2025 гг.): *вечный ждун, грантовый активист, духи с запахом компьютера, третий майдан, сосисочный гуманизм*, *челябинский мохито* и др.

2. Фразеопопуляризмы – неофраземы, появившиеся в языке в результате заимствования (чаще всего из английского языка, но не исключительно), активно использующиеся в рамках конкретного дискурса (в том числе и профессионального, что важно в случае с цифровой средой) и остающиеся в области узуальности: *динамичное ценообразование (dynamic pricing), режим гоблина (goblin mode)*, *фейковые новости (fake news), гниение мозга* (*brain rot*) и др. Представляющее этот вариант модели выражение *бежевые мамы* в Рунет пришло в усеченном варианте, ср.: *sad beige mom* (‘грустная бежевая мама’). Лишенное прилагательного *грустный* выражение закрепилось в пабликах «бежевых мам» в качестве вербализации жизненной философии – минимализм во всем. В русскоязычном цифровом пространстве единица получила широкое распространение в публикациях, критикующих *бежевую эстетику*, но не попала в лексикографическую обработку. Переход неофраземы в новый статус представляется сомнительным в силу культурной инородности.

В ***параграфе 3.3*** *«Модель процесса неофразеологизации с комбинацией двух областей»* охарактеризован второй вариант модели неофразеологизации – двухкомпонентная модель.

3.3.1 «Комбинация *область креативности – область альтернативности*». Единицы, в процессе неофразеологизации оказавшиеся в области альтернативности, можно разделить на две группы: 1) конкурирующие в цифровом пространстве альтернативные смыслы неофразем не обладают ресурсами для дальнейшего развития и перехода в другую область (ср. *березовые люди, бриллиантовый директор, мой годовасик* и т. п.); 2) конкурирующие смыслы неофраземы имеют шанс на продолжение процесса неофразеологизации (ср. *белое пальто*, *запахло весной*, *кровавый клоун* и т. п.). Неофразема *леопардовый флешмоб* является примером процессов первой группы. Впервые в качестве фразеокреатива фиксируется в 2014 г. В этот период за неофраземой закрепилось значение ‘не равнодушен к судьбе редкой кошки’. Особой популярности неологизм не приобрел, но совершенно неожиданно в январе 2023 г. он начинает использоваться для реализации нового смысла – ‘Украина ждёт немецкие танки’: леопардовый принт стал ассоциироваться с немецкой военной техникой. В настоящий момент интерес к этому фразеоальтернативу следует признать ослабленным.

3.3.2 «Комбинация *область креативности – область узуальности*». Исследователи неологических процессов говорят о наблюдаемой в сфере новой фразеологии тенденции: если неофразема или удачно трансформированная ФЕ стали интересны не только их автору, но и были не единожды использованы другими субъектами коммуникации, то есть вероятность дальнейшего тиражирования и превращения неообразования в популярную единицу (ср. *мочить в сортире; красные линии*; *денег нет, но*

вы держитесь; *кошмарить бизнес* и т. д.). Реализация двухкомпонентной комбинации «фразеокреатив – фразеопопуляризм» рассматривается на примере неофраземы *ёлочный круговорот*, происхождение которой связано с новой традицией – акцией по утилизации новогодних елей. Разработчики акции «Елочный круговорот» подошли к ее неймингу творчески: предполагаем, что ставка была сделана на обыгрывание узнаваемой фразы (ср. *круговорот воды в природе*). Учитывая активное функционирование данной неоединицы в различных дискурсах, констатируем факт изменения статуса *ёлочного круговорота* – формирование *фразеопопуляризма*. Дальнейшая судьба рассмотренной неоединицы напрямую зависит от того, станет ли утилизация новогодних ёлок доброй традицией.

3.3.3 «Комбинация *область креативности – область системности*». Анализ речевого материала позволил отметить тенденцию: фразеокреативы становятся востребованными в коммуникативной практике средствами вербализации традиционных для концептуальной картины мира смыслов (*собиратели тишины, тихие герои, вежливые люди* и т. п.). Для детализации процесса обратимся к конкретному примеру. Новообразование *несвятые святые* (в значении ‘будничная святость’) закрепилось в различных дискурсах, практически мгновенно пройдя этап адаптации в разных контекстах и постепенного роста рекуррентности. Можно предположить, что условием такой стремительной адаптации единицы стала ее культурная «органичность»: неофразема согласуется с русской идеей, в основе которой лежит высокая оценка святости человека и героизма предков. Почитание святых традиционно в Русской Церкви. На основе анализа неофразем этой группы можно сделать вывод: краткий период адаптации позволяет проследить за тем, как происходит вхождение неоединицы в концептуальную картину мира. В случае совпадения с ожиданиями и установками носителя языка (нравственные ориентиры, ответы на проблемные вопросы) единица занимает свое место в национальном мировидении.

3.3.4 «Комбинация *область узуальности – область системности*». Наиболее значимой в рамках двухкомпонентного варианта модели является комбинация «фразеопопуляризм – потенциальный фразеологизм». С точки зрения обновления фразеологического фонда русского языка именно обретение востребованной в речевой практике единицей системных черт (соответствие национально-специфичной картине мира, включение в систему парадигматических отношений) делает возможным ее вхождение в национальный фразеологический фонд. На современном этапе исследования новой фразеологии общее признание получили два ее источника: 1) рекордное заимствование неофразеологического материала из языка-донора (преимущественно американский вариант английского языка, например: *цифровой след, цифровое пространство, утечка мозгов* и др.); 2) активное освоение терминологических подсистем языка (*физический / психологический абьюз, детские болезни, нравственные уроды* и др.).

Типичным образцом рассматриваемой комбинации является неофразема *офисный планктон.* Эта калька (*office plankton*) фиксируется в российской прессе с 2000-х гг.: этим образным выражением стали именовать офисных служащих нижнего звена. Тема служебной иерархии традиционно осмыслялась русским народом, о чем свидетельствуют фразеологизмы *не по чину, по ранжиру, без чинов, нижний чин*. Следование чину предполагало строгое соответствие занимаемому месту в иерархической вертикали (ср. русские пословицы «Чин чина почитай, а меньшой садись на край»; «Не велик чин: отставной козы барабанщик»). На рубеже тысячелетий в России, а гораздо раньше в США и на Западе, укоренилась «воротничковая» иерархия труда: *белые воротнички* (калька с англ. *White Collar*), *синие воротнички* (калька с англ. *Blue Collar*). Эта система социального ранжирования сохраняет актуальность и обнаруживает тенденцию к развитию (ср.: *серые воротнички*, *фиолетовые воротнички*, *розовые воротнички* и т. п.). Неофразема *офисный планктон* тематически «вписывается» в представленный список, но выполняет иную функцию: она не просто указывает на социальный статус субъектов, но и актуализирует оценочный (отрицательный) компонент.

В параграфе 3.4 *«Модель процесса неофразеологизации с комбинацией трех / четырех областей»* представлена характеристика третьего и четвертого вариантов модели неофразеологизации.

3.4.1 «Комбинация *область креативности – область альтернативности – область узуальности*». Как уже отмечалось, судьба фразеокреативов складывается по-разному: некоторые из них проходят через колебание значения в условиях альтернативного выбора. Семантическая селекция оказывается возможной в том случае, когда фразеокреатив не получил широкого распространения с «первичным» значением, но его необычная форма использовалась носителями языка для выражения иного смысла. В случае высоких показателей частоты встречаемости подобные неоединицы получают статус фразеопопуляризмов (ср. *выпадать в осадок*, *голосовать ногами*, *запасной аэродром*, *закатать под асфальт* и др.).

К рассматриваемой модели относится неофразема *поющие трусы*, рожденная в сфере искусства эстрады. Считается, что впервые ее произнесла Наталья Ионова (Глюк´Oza) в 2005 г. в адрес популярной группы «Шпильки». Достаточно негативная оценка показалась удачной. И если изначально *поющими трусами* называли женские коллективы, которые ‘крутят бедрами на сцене и не умеют петь’, или звезд с ‘проплаченной богатым покровителем певческой карьерой’, то со временем российский шоу-бизнес как таковой стал ассоциироваться с эпохой *поющих трусов*, когда со сцены звучат, по мнению Д.А. Певцова, «чудовищные тексты и пошлые однообразные мелодии» (‘низкопробное творчество’). Уточним, из конкурирующих смыслов в дискурсивных практиках закрепился первоначальный.

Получив широкое распространение, рассматриваемый сверхсловный неологизм был зафиксирован в словаре новой фразеологии.

3.4.2 «Комбинация *область креативности – область узуальности – область системности*». Интересно складывается судьба фразеокреативов, переживших этап популярности и завершивших свой «жизненный цикл» в области системности. Рассматривается этот вариант модели неофразеологизации на примере выражения *борьба холодильника с телевизором*. Абсурдное с точки зрения реальности выражение Б. Вишневского (*фразеокреатив*) обозначило острую социальную ситуацию – расхождение между желаемым (официальная пропаганда, транслируемая с экранов ТВ) и действительным (реальная экономическая ситуация), что и обеспечило стремительное распространение неоединицы в дискурсивных практиках (*фразеопопуляризм*) и ее фиксацию в словаре со значением ‘расхождение между позитивной информацией государственных каналов и реальной ситуацией снижения уровня жизни человека’ (Н.В. Баско). Разнообразие ближайшего контекстного окружения единицы увеличивалось с ростом ее популярности. В это же время формировались вариативные ряды: *телевизор против холодильника, борьба холодильника с телевизором, схватка телевизора и холодильника, холодильник VS телевизор*. В современных условиях дальнейшая судьба неофраземы не предрешена. Однако маркированная единицей ситуация хорошо знакома россиянам старшего поколения – несовпадение официального оптимизма и экономического положения реального человека довольно типично для разных периодов существования государства. Факт традиционности концепта в русской ментальности в сочетании с яркой образностью новой единицы позволяют предположить возможность закрепления фразеопопуляризма во фразеологической системе русского языка.

3.4.3 «Комбинация *область креативности – область альтернативности – область узуальности – область системности*». Полный цикл трансформаций неообразования, понимаемый как процесс неофразеологизации, можно продемонстрировать на примере неофраземы *псы войны*. В контексте цитаты из Шекспира выражение *псы войны* актуализирует смысл ‘воины, охваченные свирепой звериной яростью, одержимые жаждой мести’. Новая стадия развития неофраземы фиксируется в книге Ф. Форсайта «Псы войны» (1974), посвященной иностранным легионам, сражающимся на африканской земле. С этого момента выражение *псы войны* стало активно употребляться в качестве средства именования солдат-наемников. Участие наемных солдат в современном военном конфликте между братскими народами актуализировало использование выражения *псы войны* в дискурсивных практиках. Осмысляя события на

Украине, авторы различных жанровых форм используют фразеопопуляризм *псы войны* и как описательное выражение с закрепившимся за ним значением ‘солдат-наемник’, и как трансформ шекспировского варианта. В самодеятельной поэзии воины украинской стороны называются *псами войны* и изображаются в зверином облике как одержимые жестокостью, утратившие человеческий облик. В традиционной для русской культуры форме вражеские силы и исходящая от них опасность изображаются при помощи визуальной метафоры, представленной рядом таких словесных символов, как: *чёрный ворон*, *серые волки*, *чёрные пасти*, *звериный оскал* и т. п. Согласно словарю русской ментальности, пес в народном сознании ассоциируется с человеком, вызывающим презрение и негодование своими действиями и поступками. Таким образом, на данный момент неофразема *псы войны* демонстрирует признаки потенциального фразеологизма, отличительной чертой которого является органическая связь с традиционной культурой и готовность вступать в парадигматические отношения с системными единицами.

Варианты модели процесса неофразеологизации, конечной точкой которых является появление потенциального фразеологизма, позволяют перейти к вопросу об условиях обновления фразеологической системы русского языка. По наблюдениям представителей магнитогорской фразеологической школы (С.Г. Шулежкова, Л.Н. Чурилина и др.), далеко не все неофраземы, функционирующие сегодня в цифровом пространстве, могут стать частью языковой картины мира. Интерес для фразеологов представляют те из них, что не просто номинируют новые явления, но и отражают основные ценности и представления, характерные для русского мира.

В ***параграфе 3.5*** *«Неофразеологизация и обновление фразеологической системы русского языка»* проведен анализ неофразеологического материала (*ягодные скидки, тыквенный спас, тургеневский дворик*), позволяющий предположить, что условия принятия новых единиц системой не в последнюю очередь формируются на фоне национальной концептосферы. Речь идет о соответствии единицы национальному культурному коду. Верно и обратное – несоответствие культурному коду становится препятствием на пути обретения единицей статуса фразеологизма.

Представленный в исследовании вариант реконструкции процесса *неофразеологизации* позволяет ответить на вопрос о специфике этого процесса в сравнении с *фразеологизацией*. К характерным признакам неофразеологизации можно отнести следующее:

1. Наблюдаемость в режиме реального времени, непредсказуемость и многовариантность, характерные для процесса формирования новой фразеологии, становятся поводом для отказа от идеи последовательного линей-

ного движения свободного словосочетания к фразеологизму. Непредсказуемость неофразеологизации детерминирована действием различных факторов, имеющих по преимуществу экстралингвистический характер (событийный контекст, «вкус» носителей языка, национальная картина мира).

2. Неофразеологизация в предлагаемой нами модели представлена как нелинейный, многовекторный процесс, допускающий перемещение новой единицы в пределах потенциальных вариантов, смену категориальных признаков и, как следствие, изменение неофразеологического статуса единицы. Для неофразеологизации характерны свобода и относительная неограниченность вариантов перемещения единицы, волновой характер изменений.

3. Описание дискурсивного материала позволило выделить четыре актуальных на данном временном отрезке варианта модели неофразеологизации, каждый из которых отражает движение неоединицы к закреплению в системе языка.

4. Процесс обновления фразеологического фонда русского языка регулируется рядом ограничений, доминирующее положение в этом ряду занимает культурный код. Обязательным условием принятия новообразований системой является их координация с национальной картиной мира.

В **заключении** подведены итоги работы, намечены перспективы дальнейшего исследования. Предложенный вариант представления процесса неофразеологизации не претендует на исключительность, но отражает характерную для современного периода специфику обновления фразеологического фонда русского языка. Дальнейшего осмысления, безусловно, требует не только вопрос онтогенеза сверхсловных неологизмов, но и условия и причины их архаизации как свидетельства «живой» природы фразеологических единиц.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

Статьи в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации:

1. Бодрова, Е.В. Коллокации эпохи коронавируса в административном дискурсе: деривационный и функциональный аспект / Е.В. Бодрова // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. – 2022. – Т. 19, № 1. – С. 79–83. – DOI 10.14529/ling220111 (0,6 п. л.).

2. Бодрова, Е.В. Традиционные и новые «мыльные» образы в интернет-дискурсе / Е.В. Бодрова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2022. – № 6 (111). – С. 121–131. – DOI 10.23859/1994-0637-2022-6-111-9 (0,9 п. л.).

3. Бодрова, Е.В. Фразеологизмы с компонентом *блокадный* в новейшей картине мира / Е.В. Бодрова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2023. – № 4 (115). – С. 27–38. – DOI 10.23859/1994-0637-2023-4-115-3 (0,98 п. л.).

4. Бодрова, Е.В. Неофраземы с сенсорно-вкусовым компонентом в юмористическом дискурсе: когнитивные процедуры и прагматические установки автора / Е.В. Бодрова // Вестник Костромского государственного университета. – 2025. – Т. 31, № 4. – С. 179–186. – DOI 10.34216/1998-0817-2025-31-4-179-186 (1 п. л.).

Статьи в сборниках научных трудов и периодических изданиях:

5. Бодрова, Е.В. Неофраземы в функции заглавий: приёмы трансформации / Е.В. Бодрова, Л.Н. Чурилина // «Благословенны первые шаги…»: сборник работ молодых исследователей: материалы Междунар. молодеж. конф. «Новая фразеология в новой Европе. Славяне и их языки в конце XX – начале XXI века: проблема сохранения национальной идентичности», Магнитогорск, 25–26 марта 2021 г. – Магнитогорск: Магнитогорск. гос. техн. ун-т им. Г.И. Носова; Пловдив: Пловдивский ун-т им. П. Хилендарского, 2021. – Вып. 15. – С. 104–109 (0,31 п. л., авт. – 0,15 п. л.).

6. Бодрова, Е.В. Трансформационные процессы в области фразеологических соматизмов / Е.В. Бодрова // Гуманитарно-педагогические исследования. – 2022. – Т. 6, № 1. – С. 50–54. – DOI: 10.18503/2658/-3186-2022-6-1-50-54 (0,39 п. л.).

7. Бодрова, Е.В. Неофраземы с компонентом *умный* в цифровую эпоху / Е.В. Бодрова, Л.Н. Чурилина // Кирилло-Мефодиевские чтения: материалы Межвуз. науч. конф., посвященной Дню славянской письменности и культуры, Международному дню филолога и Дню русского языка, Кострома, 24–25 мая 2023 г. – Кострома: Костромской гос. ун-т, 2023. – С. 43–49 (0,40 п. л., авт. – 0,20 п. л.).

8. Бодрова, Е.В. Неофраземы с компонентом *весна*: трансформационный потенциал традиционного концепта / Е.В. Бодрова // XV Конгресс МАПРЯЛ: Избранные доклады. – СПб.: МАПРЯЛ, 2024. – С. 1316–1320 (0,3 п. л.).

9. Бодрова, Е.В. Неофраземы с компонентом *вишня*: трансформация традиционного образа в цифровую эпоху / Е.В. Бодрова // Проблемы непрерывного педагогического образования: электронный сборник материалов Всерос. науч.-практ. конф. (с международным участием), Ишим, 5 марта 2024 г. – Ишим: ТюмГУ, 2024. – С. 445–449 (0,27 п. л.).

10. Бодрова, Е.В. «Вишенка на торте»: традиционные и новые смыслы в дискурсивных практиках / Е.В. Бодрова // Новейшая филология: со-

временные парадигмы исследований: сборник тезисов участников Всерос. науч.-практ. конф., посвященной памяти проф. Г.Г. Галич, Омск, 21–23 марта 2024 г. – Омск: ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, 2024. – С. 34–36 (0,20 п. л.).

11. Бодрова, Е.В. Неофраземы с компонентом *«челябинский»*: от шуточных афоризмов к анекдоту / Е.В. Бодрова // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности: труды Уральского психолингвистического общества. – Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2024. – Вып. 22. – С. 147–153 (0,35 п. л.).

12. Бодрова, Е.В. Неофраземы с компонентом *пердюмонокль*: с театральных подмостков в дискурсивные практики / Е.В. Бодрова // Кирилло-Мефодиевские чтения: материалы Межвуз. науч. конф., посвященной Дню славянской письменности и культуры, 225-летию со дня рождения А.С. Пушкина, Кострома, 24 мая 2024 г. – Кострома: Костромской гос. ун-т, 2024. – С. 79–88 (0,61 п. л.).

13. Бодрова, Е.В. Традиционная и новая фразеология о благосостоянии народа: от недорезанных буржуев к новым русским и новым бедным / Е.В. Бодрова // Динамика языковых и культурных процессов в современной России: материалы VIII Конгресса РОПРЯЛ, Красноярск, 10–14 сентября 2024 г. – СПб.: РОПРЯЛ, 2024. – Вып. 8. – С. 17–22 (0,35 п. л.).

14. Бодрова, Е.В. Сенсорные лингвокреативы в дискурсивных практиках нашего времени / Е.В. Бодрова // Русский язык и языки народов России: проблемы взаимодействия, перспективы развития: сборник материалов Междунар. науч. конф., Магнитогорск, 19–20 ноября 2025 г. – Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. тех. ун-та им. Г.И. Носова, 2025. – С. 114–118 (0,24 п. л.).

БОДРОВА Елена Владимировна

НЕОЛОГИЗАЦИЯ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ
В СОВРЕМЕННОМ ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано к печати 18.03.26. Формат 60x84/16. Бум. офс.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 1,6. Уч.-изд. л. 1,7. Тираж 110 экз. Заказ .

Научное издательство ВГСПУ «Перемена»
Отпечатано в типографии ИП Миллер А.Г.
400005, Волгоград, пр-кт им. В. И. Ленина, 27